

Скучающей походкой...

В ПЕРВЫЕ эту трогательную песенку я услышал в Заполярье, в городе, построенным у енисейского устья. Ее пели теологи, юные бородачи. «Глобус крутится, вертится, словно шар голубой...» И на Колыме в автобусе, мчавшемся по тысячекилометровой трассе, ее напевали молодые строители.

И вдруг та же песенка зазвучала со сцены столичного Театра имени Маяковского. И тут романтики, бородатые и небородатые, мечтая, о непостроенных еще городах, вспомнили ее непрятательный напев.

Спектакль «Опасная, тишина» начинается словно бы стуком человеческого сердца: с темной еще сцены слышится глухое и равномерное тук-тук, тук-тук... А потом «высвечивается» герой — Дмитрий Крымов, синоптик из Заполярья. Стоя на мостице у рампы, он небрежно предлагает нам пропустить его, а вместе с ним в городок его детства и там познакомиться с некоторыми «человеческими парадоксами». Как добрый сказочник, он обещает показать множество заманчивого: и неземную любовь, и северное сияние. Все это он обещает и Иринке, чувствительной провинциальной девушке, мечтающей о «белых слонах».

Так о чем же пьеса? Поначалу нам предлагают участвовать в разоблачении опасной обывательской тишины, в осуждении тех, кто, как базарный торговец Афонин, отец Иринки, проповедует спасительное «человеческое спокойствие». Но ведь и, вырвавшись из порочного круга, и попав на край света, в Заполярье, Иринка не обретает удовлетворения, так страшно ею желаемого. Жизнь ее все так же пуста, а глаза — артистки С. Немоляевой по-прежнему полны слез.

Может быть, мысль о вечной неудовлетворенности молодежи, о ее непрерывных искааниях — она должна стать лейтмотивом? Но тогда откуда этот меланхолический тон, это поистине эпикурей-

ское спокойствие главного героя? Скучающей походкой проходит он по жизни, без интереса к людям, холодный, как кусок заполярного льда. Любит ли он? Даже в любовь его поверить трудно, как бы ни уверял нас артист А. Ромашин в вулканических чувствах. И не скроишь ее, пустоту эту, никакими эффектами, щедро придуманными художником К. Кулешовым, — ни сверканием молний, ни мерцанием звездного океана.

И все-таки — о чём пьеса? И обо всем, и ни о чём. Герой льют потоки красивых слов и сами то-нут, растворяются в них. Слова эти мертвы, ибо за ними нет разумной, целенаправленной деятельности, нет настоящей борьбы.

Но может быть, пьесу молодых авторов не поняли в театре? Ведь случается и так. Заглядываем в программку — постановка А. Вейцлера и А. Мишарина. А авторы пьесы? Они же!

Так в чём же дело? Причина проста: песенка молодых романтиков на сцену проникла, а сами они остались за сценой. И на самостоятельный ни пьеса, ни спектакль. То Арбузов слышится, то Володин... То Охлопкова вспомнишь, то Эфроса...

А жаль. Авторы молодые и безусловно одаренные. Свое, настоящее проглядывало в их предыдущих пьесах. Да и в «Опасной тишине» есть отдельные сценки, кстати сказать, на романтические, а бытовые, довольно точно передающие атмосферу маленького городка. Потому-то и лучшими актерскими достижениями оказались роли провинциальных аборигенов — сентиментального Афонина (С. Князев), глуховатой тети Веры (А. Москалев), бесхитростного Жени (А. Холодков). Есть хорошая подлинность в этих набросках с натуры.

Но нет последовательности, нет ведущей мысли, которые спаяли бы отдельные сцены в цельное произведение.

Ю. ГРАЧЕВСКИЙ

Литературный гид 1982 г. № 11